

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-3-841-855

EDN: HXKOHQ

УДК [811.161.1:811.581]’367:165

Научная статья / Research article

Выражение, мышление и познание: истоки различий русского и китайского языка

Кэ Чжан , В.Н. Денисенко

Северо-восточный педагогический университет, Чанчунь, Китай

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 zhangk176@nenu.edu.cn

Аннотация. Сравнительное изучение языков отражает процесс сосуществования общего и частного в языках человечества. Развитие типологического языкознания и контрастивной лингвистики связано с изучением сходств и различий между языками по структурным критериям сравнения. Однако когнитивные операции и формы мышления, характеризующие строение высказываемых мыслей, являются фундаментальными механизмами, управляющими функционированием различных языковых структур. В настоящем исследовании проведен сопоставительный анализ структурных особенностей русских подлежащих и китайских топиковых предложений. Особое внимание уделяется разным формам мышления (рациональному и образному), которые лежат в основе различий языковой структуры двух языков, а также различию в когнитивных процессах (познание аналогий и ассоциаций), формирующих вертикальную и горизонтальную категоризацию, которые вызывают различия в формах мышления. В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу о том, что форма мышления определяет форму языковой структуры. Формирование и функционирование различных форм языковой структуры — это операция и отражение разных форм мышления в различных структурах языка. Рациональное и образное мышление и их характеристики соответственно ограничивают и определяют структурные формы русского и китайского языков, которые на уровне предложения проявляются в том, что в русском языке базисной структурой предложений является «подлежащее + сказуемое», в китайском языке — «топик и комментарий».

Ключевые слова: структура предложения, подлежащее + сказуемое, топик и комментарий, рациональное мышление, образное мышление

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования.

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2024

Дата приема в печать: 15.06.2024

© Чжан Кэ, Денисенко В.Н., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Чжан Кэ, Денисенко В.Н. Выражение, мышление и познание: истоки различий русского и китайского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 3. С. 841–855. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-841-855>

Expression, Thinking, and Cognition: Origins of Differences between the Russian and Chinese Languages

Ke Zhang , **Vladimir N. Denisenko**

Northeast Normal University, *Changchun, China*

RUDN University, *Moscow, Russian Federation*

 zhangk176@nenu.edu.cn

Abstract. Comparative study of languages reflects the coexistence of the universal and the particular in human languages. The development of both typological linguistics and contrastive linguistics is primarily associated with the study of structural similarities and differences between languages based on structural criteria for comparison. However, cognitive operations and forms of thinking that characterize the structural organization of expressed thoughts are fundamental mechanisms governing the functioning of various languages. In this study, a comparative analysis is presented as of the structural features of Russian subject-predicate sentences and Chinese topic-comment sentences. Special attention is paid to different forms of thinking (rational and figurative) that underlie the differences in language structure between the two languages, as well as various cognitive processes (recognizing analogies and associations) that shape vertical and horizontal categorization, resulting in differences in thought patterns. As a result of the conducted study, the authors conclude that the form of thinking determines the form of language structure. The formation and functioning of different forms of language structure are operations and reflections of different forms of thinking in various language structures. Rational and figurative thinking, with their respective characteristics, limit and define the structural forms of Russian and Chinese languages. At the sentence level, it manifests basic structures both in Russian where the basic sentence structure is “subject-predicate,” while in Chinese it is “topic-comment.”

Keywords: sentence structure, subject-predicate, topic-comment, rational thinking, figurative thinking

Conflicts of interest: The authors declare no conflicts of interest.

Authors’ contribution: The authors contributed equally to this article.

Article history:

Received: 01.06.2024

Accepted: 15.06.2024

For citation:

Zhang, Ke & Denisenko, V.N. (2024). Expression, Thinking, and Cognition: Origins of Differences between the Russian and Chinese Languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(3), 841–855. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-841-855>

Введение.

Особенности структуры русского и китайского языков на примере предложения

Ч. Ли и С. Томпсон (1982) предложили коммуникативно-синтаксический подход к разделению языков по принципу «топиковости» и «подлежащности». Были выделены языки с выдвижением подлежащего, в которых базисной структурой предложений является грамматическое отношение «подлежащее — сказуемое» (subject-prominent vS). К ним принадлежат русский, английский и другие индоевропейские языки в качестве языков флективных с разной степенью аналитизма [1. С. 193–235]. Китайский язык и изолирующие языки Юго-Восточной Азии в целом могут быть отнесены к категории языков с выдвижением топика на основе приоритетного выбора топиковой стратегии, где предложение состоит из характеризуемой и характеризующей части без необходимости согласования. В базисных конструкциях китайского языка представлено отношение «топик и комментарий» (topic-prominent vT) [2. С. 38].

Ши Диншуй уточнил понятие «топик» — топик в форме немаркированной именной группы или ее эквивалента предшествует основной части предложения и связан с ним. Топик является объектом, который был упомянут в предыдущем дискурсе и обсуждается вновь в текущем предложении, а именно добавляет новую информацию в текущий дискурс. Основная часть предложения, связанная с топиком, является комментарием [3. С. 386]. А.В. Скворцов утверждает, что термин «топик и комментарий» предполагают деление предложения на две части: глобальное подлежащее, которому очень часто соответствует топик, и, глобальное сказуемое, которому соответствует комментарий [4. С. 1263].

Развивая идею Ч. Ли и С. Томпсон о том, что наиболее соответствующими категориями для выражения структуры предикативного отношения являются топик и комментарий [5. С. 82], В.А. Курдюмов и К.Э. Коцик заявили, что в отличие от структуры «тема-рема», которая является вспомогательной категорией европейской грамматической системы, структура «топик-комментарий» функционирует на любых уровнях глубины порождения-восприятия, это универсальный код досинтаксических построений [6. С. 90].

Сопоставительный анализ русского как языка с выдвижением подлежащего и китайского как языка с выдвижением топика может представлен в следующих примерах (в Примерах 1 и 3 — группы китайских топиковых предложений; в Примерах 2 и 4 — их русский перевод, выполненный авторами статьи).

Пример 1. 我家有两组套娃,但没有一套是齐全的。每套都缺了一个。画有地标建筑的那套,我妹妹弄丢了一个。画有自然风光的那套,我弄丢了。 Дословно: ‘У меня дома два набора матрешек, но ни один из них не остался полным. В каждом наборе не хватает одной матрешки. Набор с памятниками

архитектуры: моя сестра потеряла одну матрешку. Набор с живописными пейзажами я потеряла’.

Пример 2. *У меня дома два набора матрешек, но ни один из них не остался полным. В каждом наборе не хватает одной матрешки. От набора с памятниками архитектуры моя сестра потеряла одну матрешку. От набора с живописными пейзажами я потеряла одну матрешку.*

Пример 3. *我家原有两组套娃, 如今一套都没剩下。画有地标建筑的那套, 我妹妹弄丢了。画有自然风景的那套, 我弄丢了。*

Пример 4. *У меня дома было два набора матрешек, сейчас ни одного не осталось. Набор с памятниками архитектуры моя сестра потеряла. Набор с живописными пейзажами я потеряла.*

При сравнении подчеркнутых предложений на китайском языке (Примеры 1, 3) и предложений, переведенных на русский (Примеры 2, 4), можно привести следующие различия.

Во-первых, предложения различаются семантическими механизмами на месте пропуска. В Примере 1 «нулевой элемент» [7] (или «пустая» лексическая единица) [8. С. 95] может интерпретироваться как ‘потерянная мной одна матрешка из набора с живописными пейзажами’. Очевидно, что рассогласование между данным нулевым элементом и антецедентом 画有自然风景的那套 ‘Набор с живописными пейзажами’ имеет место на семантическом уровне; В Примере 3 «нулевое» дополнение лицензируется антецедентом 画有自然风景的那套 ‘Набор с живописными пейзажами’ как на семантическом, так и на синтаксическом уровне. Два предложения на китайском языке с «нулевым» элементом в обоих примерах имеют одинаковую синтаксическую структуру, но отличаются семантическим содержанием. По сравнению с этим элемент русского предложения может быть опущен лишь в синтаксических условиях в Примере 4, в то время как аналогичные структуры в Примере 1 не допускают подобного употребления в русском языке. В русском языке интерпретация «нулевого» элемента представляет собой копию «логической формы» [9] антецедента. В Примере 2 элемент «одну матрешку» выступает в качестве дополнения не может быть лицензирован антецедентом в начале предложения ‘От набора с живописными пейзажами’ ни на семантическом, ни на синтаксическом уровне. Следовательно, в китайском языке «нулевой элемент» на месте пропуска может иметь собственную синтаксическую структуру, которая выражает предполагаемое значение.

Во-вторых, предложения различаются моделями синтаксической конструкции. Примеры 1 и 3 на китайском языке является топиковыми предложениям, в то время Примеры 2 и 4 на русском языке — подлежащим. В Примере 3 немаркированной именной группой 画有自然风景的那套 ‘Набор с живописными пейзажами’ является топик, который сам по себе «не обладает независимыми синтаксическими функциями» [3. С. 405]. Русский перевод в Примере 4, как выше изложено, относится к предложениям с «нулевым»

элементом (или с эллиптической структурой), даже может рассматриваться как инверсии в случае постановки дополнения «набор с живописными пейзажами» впереди управляющего слова «потеряла». Теперь рассмотрим предложение в Примере 1, где топикальный элемент 画有自然风景的那套 ‘Набор с живописными пейзажами’ никак не может выступить в роли объектов действия (потерян не целый набор, а одна матрешка в наборе). Между топиком и комментарием 我弄丢了 ‘я потеряла’ отсутствует структурная связь. Такая топиковая конструкция, с точки зрения Ши Динсюя, связывается отношениями «характеризуемое — характеризующее» [3. С. 386]. При переводе этого предложения на русский язык мы заменяем существительное 套 ‘набор’ отпредложным словосочетанием *от набора* и добавляем словосочетание *одну матрешку* на месте пропуска, чтобы сохранять субъектно-предикатную структуру русского языка, согласовывая между собой преддицируемый и преддицирующий компоненты высказывания. По мнению Ши Динсюя, «топик и комментарий» в китайском языке является грамматическим механизмом, используемым для выполнения определенных дискурсивных функций, так, говорящие предпочитают структуру топик-комментарий в связи с тем, что они сначала говорят о главных вещах, а затем их детально описывают [3. С. 387].

Отсюда следует, что структуры русского и китайского языков, в частности, типичных предложений в них как подлежащих и топиковых, существенно различаются синтаксическими и семантическими механизмами. Такие типологические различия обуславливают разницу в логике мышления, лежащей в основе образования двух языков. Эти две модели структуры предложения «систематически отражают два разных типа человеческого мышления — рациональное мышление и образное». Таким образом, и в этом случае мы видим соотношение формы мышления и языковых структурных форм [10. С. 35–44]. Чтобы лучше понять движущие факторы языковых явлений, имеющих черты различия, нам необходимо рассмотреть основу логики языка с точки зрения форм мышления. Так как сравнительное изучение двух языков должно опираться не только на особенности их структурных форм, но и на познавательные операции и формы мышления, присущие их структурным формам, которые являются фундаментальными механизмами, управляющими функционированием различных языковых структур. Это важно для изучения основных характеристик и особенностей структуры языка.

Рациональное и образное мышление предоставляет содержательную основу для языка

Вопрос о познавательном мышлении решается неоднозначно, чаще всего выделяется два общелогических метода познания: аналогия и ассоциация [11. С. 139]. Познание аналогий воплощает процесс анализа и синтеза, в котором мыслящий субъект использует дедуктивные или индуктивные способы. Ядром метода аналогий является логичность, основанная

на рациональном мышлении. Познание ассоциаций — это прием познания, при котором мыслящий субъект использует интуитивное чувство для построения связи между понятиями и представлениями, возникающей в процессе их осознания. Суть данного метода — ассоциативность, основанная на образном мышлении [12. С. 94]. Обе формы мышления сосуществуют в человеческом мышлении, выражении и жизни, взаимодействуя друг с другом, но также и противостоят друг другу. Эти формы мышления образуют логическую основу для нашего сравнительного анализа двух языков.

Чтобы лучше представить разницу в структуре двух языков с точки зрения различий в логике мышления, мы предложим следующие противоположные характеристики мышления в качестве основы для их анализа:

(1) абстрактность и конкретность. Абстрактность является характеристикой рационального мышления, которая заключается в образовании абстрактных понятий и оперировании ими. При абстрактном мышлении человек выходит за рамки привычной системы координат и правил мировосприятия, абстрагируясь от внешней действительности и пытаясь сконцентрироваться исключительно на донесении-восприятии мысли или идеи. В таком виде мышления часто используются образы и символы как общеизвестные, так и такие, которые получают свое значение исходя только из самого мыслительного процесса или дискуссии. Алфавит русского языка составлен по фонетическому принципу — это значит, что каждой букве соответствует тот или иной звук данного языка. Буквенное письмо используется для выражения семантики, выходя за рамки воплощений объектов, а также адаптируется к такому абстрактному мышлению и его продвигает. В отличие от этого пиктографическая письменность китайского языка с момента своего создания была основана на подражании подлинным и конкретным предметам, которые изображаются символическими же иероглифами. Конкретность относится к типичным характеристикам образного мышления [13]. В конкретном понятии мыслится предмет или совокупность предметов как нечто самостоятельно существующее.

套娃 ‘матрешка’ в группах предложений на китайском языке в Примерах 1 и 3 носит образное значение, смысл которого следует понимать не буквально, а через образ, что отличается от словосочетания *набор матрешек* как понятие в Примерах 2 и 4 на русском языке. 套娃 ‘матрешка’ в Примерах 1 и 3 не ограничена абстрактными атрибутами и предстает в виде объектов, которые отражаются в сознании человека при изменении контекста. Приведем пример. В контексте в Примере 1 вещи, называемые *матрешками*, с видом ‘два полных набора матрешек’, когда их впервые купили домой, превратились в *два неполных набора матрешек*. Вопреки этому *набор матрешек* в Примере 2 имеет четкую коннотацию и значение: данный элемент подвержен влиянию абстрактных атрибутов, но не зависит от контекста. Оба набора матрешек, представленных в Примере 1, в частности, *набор с живописными*

пейзажами, остались неполными, в которых хотя бы одна матрешка является потерянной. Это образно отличается от *матрешки* как логического понятия. При таком обстоятельстве становится легче разобраться в описанных далее матрешках (среди них одна потеряна). Согласно этой логике нам нетрудно понять два предложения с «нулевым» элементом, которые имеют одинаковую синтаксическую структуру, но отличаются семантическим содержанием: в Примере 1 потеряна *одна матрешка*, а в Примере 3 потерян *целый набор матрешек*.

Из этого мы можем ясно выяснить первопричину этой двусмысленности: противоречие абстрактности и конкретности мышления. В абстрактном предложении *набор матрешек* ограничиваются полным набором согласно своему коннотации и значению, которые не зависят от контекста. Поэтому мы должны добавить *одну матрешку* в Примере 2, чтобы обеспечить точность смыслового содержания предложения. В образном предложении *набор матрешек* может быть как полным, так и неполным, его конкретное значение зависит от разных контекстов в Примере 1 и Примере 3. Так что в китайских выражениях мы не будем вызывать двусмысленность из-за использования «нулевых элементов».

(2) присутствие и скрытность. Присутствие является основным понятием в философии, хотя в разных философских системах присутствие имеет разные интерпретации. Как правило, мы можем понять, что присутствие — это сущее, понимающее (свое) бытие. Например, И. Кант считает, что присутствие — это «вещь в себе»; по М. Хайдеггеру, присутствие — это «бытие», а Декарт утверждает, что присутствие — это объективность объекта. Рациональное мышление придает большое значение характеристике присутствия и при этом считается, что для познания мира необходимо понять подлинность объектов, которые присутствуют. Этому противоречит скрытность образного мышления. Скрытность мышления обращает внимание на то, что стоит за присутствующими предметами, объединяя отсутствующие и присутствующие в единое целое [14. С. 35–36]. Мы можем легко понять разницу между ними путем сравнения произведений живописи. Русские картины, выполненные маслом, и эскизы являются типичными художественными произведениями, основанными на эстетике присутствия, которые восстанавливают истинный вид пейзажа и персонажей посредством цвета, линий и света. Соответственно, для китайской чернильной живописи одним из характерных свойств является скрытность, которая не позволяет обнаружить первоначальный вид предметов или расположение пейзажа, но может открыть людям глаза на стремление к красоте с помощью образного мышления.

В Примере 1 топик 画有自然风景的那套 ‘Набор с живописными пейзажами’ может быть представлена как образ «неполный набор в случае пропавшей матрешки» в образном мышлении, а следующее высказывание «我

弄丢了 (я потеряла)» является отражением этого образа и выяснением скрытого объекта. Подобные выражения часто встречаются в китайском языке. Элементы 画有地标建筑的那套 ‘набор с памятниками архитектуры’ и 画有自然风景的那套 ‘набор с живописными пейзажами’ в этом примере в то же время содержат образный компонент значения *в случае пропавшей матрешки*, что является конкретным проявлением скрытности. Поэтому комментарий 我弄丢了 ‘я потеряла’ можно рассматривать как сокращенное выражение 我弄丢了一个 ‘я потерял одну матрешку’.

В предложенных примерах на русском языке смысл предложений иной. В Примере 2 уже не скрыто значение ‘потерянная матрешка’, в котором употребляется точное словосочетание *одну матрешку*, что так и характеризует присутствие соответствующих членов грамматических категорий русского языка. В примере 4 *набор с живописными пейзажами* как объект действия расположен впереди, но именно это показывает, что в структуре предложений в данном примере отражено присутствие как характеристика рационального мышления.

Итак, очевидно, что присутствие и скрытность существенно ограничивают формы выражения в русском и китайском языках. С одной стороны, присутствие должно быть отражено в русском выражении при изменении формы, количества и состава слов, тогда как в китайском выражении изменение образного значения единицы часто представляется скрытым образом; с другой стороны, в русском языке большое значение придается целостности грамматического строя. Во избежание повтора существительных в русском языке часто используют местоимения. Такого рода указательные или заместительные отношения в предложениях обусловлены языковым выражением присутствия мышления, тогда как в китайском языке полнота структуры не ценится, а часто встречаются случаи опущения, что в определенной степени объясняет скрытность мышления;

(3) аналитичность и целостность. Подобно абстрактности, аналитичность также является логической основой рационального мышления. Если абстрактность подчеркивает связь между посылками и заключением, дедукцией и индукцией, то аналитичность подчеркивает различие между объектами и их признаками, сходствами и различиями. Этому противоречит целостность образного мышления. Целостность мышления заключается в объеме образа исходного объекта в целом, расширение границ его познания способом сравнения [15. С. 565–568]. Целостность мышления логически соответствует традиционной китайской культуре. Так, представление о единстве человека и природы подразумевают единение человека с определенным локусом обитания в пространственно-временном континууме. Такой взгляд целостности превращает взаимно антагонистические отношения между частью и целым, субъектом и объектом, веществом и духом в единое целое.

В Примерах 1 и 3 отражают целостность мышления. Это связано с тем, что и топик и комментарий в предложениях представляют собой образ, выраженный лексически. Этот образ обладает характеристиками конкретности и целостности. Топик 画有自然风景的那套 ‘набор с живописными пейзажами’ в Примерах 1 и 3 — это образ, который должен создаться в контексте с помощью целостной ассоциации. Механизм целостности дискурса определяет то, что топик 画有自然风景的那套 ‘набор с живописными пейзажами’ в Примере 1 представляет образ ‘неполного набора в случае пропавшей матрешки’, в то время топик 画有自然风景的那套 ‘набор с живописными пейзажами’ в Примере 3 стали образом ‘потерянного целого набора’.

Это подтверждает, что в китайском языке топик определяется механизмами целостности дискурса, а его образ относителен и изменчив. Решающую роль при этом играет не синтаксическая связь между сказуемым и дополнением в компонентах предложения, а способ ассоциации смысла предложения в контексте комплекса взаимосвязанных предложений. Следовательно, элемент 画有自然风景的那套 ‘набор с живописными пейзажами’ в Примере 1 дает образ, подчиненный ограничениям дискурсивного контекста в целом. Он сам не служит в качестве концепта с фиксированным интенционалом и экстенционалом. Между тем механизм целостности дискурса также устраняет пространство двусмысленности, оставленное «нулевыми» элементами в отдельных предложениях. Так что собеседники могут понять разные значения, выраженные одной и той же структурой 我弄丢了 ‘я потеряла’ в разных контекстах дискурса.

В отличие от грамматикализации в русском языке, которая в силу грамматической структурной формы определяет члены предложения, китайская грамматикализация достигается путем преобразования топика на прагматическом и дискурсивном уровне в члены предложения. Это показывает, что образное мышление при помощи целостности действует в интеграции китайских языковых единиц на дискурсивном и грамматическом уровне. В Примерах 2 и 4 лексические единицы имеют конкретные понятия, и определение понятия неизбежно приведет к анализу и обобщению характеристик объекта, что делает выражаемый смысл устойчивым, не подвергаясь влиянию контекста. Поэтому в примерах на русском языке топик на дискурсивном и прагматическом уровне и структуры на синтаксическом уровне одновременно связаны и дифференцированы друг от друга, что подчеркивает аналитичность мышления. Чтобы точнее выразить смысл предложений, они в русском языке должны быть основаны на мышлении аналитичности. В отличие от этого в Примерах 1 и 3 на китайском языке значение 画有自然风景的那套 ‘набор с живописными пейзажами’ определяется контекстом дискурса в целом. Хотя данный элемент сохраняет те же отношения глагол-объект с глаголом 弄丢 ‘потерять’, его интенционал и экстенционал отличаются разными контекстами дискурса в целом. Так что принцип целостности влияет на семантическую

и синтаксическую связь предложения, а особенность целостности предложения является решающим фактором в китайской выразительности.

Таким образом, китайское выражение — это грамматикализация, основанная на логике целостности контекста, тогда как русское выражение — это семантически выражение предложения, основанное на логике аналитичности. Разница между ними хорошо объясняет разницу в связи логической и синтаксической структуры китайских и русских выражений.

Мы можем более четко объяснить различия структуры китайского и русского языков, сравнивая формы мышления, однако если мы не поймем источник возникновения двух форм мышления, не сможем понять суть разницы между двумя языковым выражениями — это когнитивная разница между Востоком и Западом.

Когнитивная основа мышления

Познание человеком себя и окружающего мира начинается с категоризации. Различные категоризации и когнитивные процессы определяют и формируют разные формы мышления. Категоризация — это мыслительная операция, направленная на формирование категорий как понятий, предельно обобщающих и классифицирующих результаты познавательной деятельности человека [16. С. 21]. Например, когда мы видим лосося, форель и т.д., мы думаем об их аналогичных характеристиках и, таким образом, думаем, что акулы также относятся к рыбам. Конечно, это также может заставить нас думать, что все существа в воде — рыбы, и затем установить связь между головастиками и рыбами.

Мы считаем, что этот процесс обобщения аналогичных признаков представляет собой рациональный мыслительный процесс, основанный на вертикальной категоризации однотипных вещей, тогда как процесс мышления связанных признаков представляет собой процесс образного мышления, основанный на горизонтальной категоризации явлений и предметов разных категорий.

Вертикальная категоризация. Логическая основная линия вертикальной категоризации состоит в развитии от прототипа категории к набору абстрактных представлений или атрибутов. «Категоризация — это диалектическое движение познания, развивающееся постепенно и попеременно от индивидуального к общему, а затем от общего к индивидуальному, от конкретного целого к абстрактному анализу и от абстрактного анализа к конкретному целому»¹.

Е.С. Кубрякова отмечает, что понятие категоризации является одним из фундаментальных понятий человеческой деятельности и одним из ключевых понятий когнитивного подхода. «Тесно связанное со всеми когнитивными

¹ 《中国大百科全书》总编委会. 中国大百科全书. 北京: 中国大百科全书出版社, 2009.

способностями человека, оно также связано со всеми компонентами самой когнитивной системы — вниманием и распознаванием объектов, умозаключениями, памятью. Способность классифицировать явления, распределять их по разным классам, разрядам и категориям свидетельствует о том, что человек в процессе восприятия мира судит об идентичности одних объектов другим, об их сходстве или, напротив, различиях. Категоризация — это главный способ придать воспринятому миру упорядоченный характер, систематизировать как-то наблюдаемое и увидеть в нем средство одних явлений в противовес различию других [17. С. 97].

Р. Лангакер описал и проанализировал процесс когнитивного понимания категории дерева у детей. Дети сначала идентифицируют деревья по конкретным прототипам деревьев, таким как дубы, клены и вязы. Конкретные прототипы этих деревьев позволяют детям приобретать уникальные общие черты во внешности. Эта общая черта основана на непосредственных ощущениях. К таким общим признакам относятся стволы, ветви, листья и т. д. Но однажды, когда дети столкнутся с деревьями без широких листьев, такими как сосны, они задумаются о подобных характеристиках сосен исходным прототипам деревьев, а затем расширит понятие дерева и включит сосны в категорию деревьев. Этот процесс просто и ясно показывает, что вертикальная категоризация — это процесс рационального анализа от индивидуального к общему, от конкретного к абстрактному [18. С. 373].

Горизонтальная категоризация. Отличительной особенностью прототипического подхода является признание двух аспектов категоризации: горизонтального и вертикального. Горизонтальный аспект категоризации предполагает, что те или иные объекты обязательно должны быть отнесены к определенным категориям одного и того же уровня обобщения. В то же самое время эти объекты могут быть отнесены к разным по степени обобщенности категориям на разных уровнях категоризации [19. С. 84]

В отличие от вертикальной категоризации горизонтальная категоризация представляет собой процесс использования образа для выражения категорий и расширения категорий с помощью ассоциаций образа различных явлений и предметов. Этот процесс отражает понимание и мышление людей о природе, жизни и окружающем мире, тем самым устанавливая связи между разными вещами.

Связь между вертикальной и горизонтальной категоризацией. Мы придерживаемся материалистического мировоззрения, поэтому мы считаем, что вертикальная и горизонтальная категоризация взаимно антагонистичны, но диалектически едины. Они считаются противоположными друг другу, поскольку между ними действительно существует существенное различие.

Во-первых, механизмы формирования вертикальной и горизонтальной категоризации различны. Вертикальная категоризация принимает в качестве

предпосылки познания категориальные признаки, полученные в результате анализа, образуя тем самым иерархическую систему, соединяющую верх и низ, отражающую признаки сходства вещей. Горизонтальная категоризация принимает в качестве предпосылки познания сравнение образов явлений и предметов. Посредством горизонтальной аналогии создание сети связанных категорий отражает связанные характеристики предметов.

Во-вторых, результаты формирования различны. Вертикальная категоризация принимает в качестве основы рациональное мышление и определяет категория в результате формирования концепции; горизонтальная категоризация принимает в качестве основы образное мышление и определяет категория в результате формирования образа. В предложенных предложениях в Примерах 2 и 4 словосочетание *набор с живописными пейзажами* означает полный набор матрешек, так как оно концептуализировано, на его значение не влияет контекст. В отличие от этого в Примерах 1 и 3 画有自然风景的那套 ‘набор с живописными пейзажами’ обозначает как полный, так и неполной набор матрешек в зависимости от контекста.

Мы должны также признать диалектическое единство между вертикальной и горизонтальной категоризацией. Прежде всего, если явления или предметы не концептуализированы, люди через понимание аналогий обобщают связанные вещи в соответствии с определенными прототипами, а затем по принципу вертикальной категоризации с помощью сравнения и анализа устанавливают определенную концептуальную категорию. При этом люди отвечают на вопрос типа «какие явления или предметы относятся к этой категории». Далее люди будут углублять процесс своего рационального мышления в этой категории, так что ее понятия будут постоянно обогащаться и уточняться. На этом этапе люди отвечают на вопрос типа «каковы явления или предметы этой категории». Можно отметить, что вертикальная категоризация — это концептуализация предметов с характером фиксирования, а горизонтальная категоризация — образизация предметов с характером расширения. Это и есть основной познавательный процесс, позволяющий людям понять мир. Познанию без вертикальной концептуализации недостает научности, а без горизонтальной концептуализации недостает гуманизма. Вертикальная концептуализация характеризует объективность понимания, а горизонтальная концептуализация — субъективность понимания.

Таким образом, можно отметить, что язык определяется мышлением, а мышление определяется познанием. Разница между китайцами и русскими является проявлением разных правил мышления и когнитивных привычек двух народов. Поэтому, чтобы лучше понять различия в языковом выражении как явный феномен, нам необходимо иметь более четкое представление о правилах рационального и образного мышления народов России и Китая, а также об особенностях горизонтальных и вертикальных категоризацией как законов познания, которые влияют на формы мышления.

Библиографический список

1. Ли Ч., Томпсон С. Подлежащее и топик: новая типология языков подлежащего // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI: Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М.: Прогресс, 1982.
2. Курдюмов В.А. Морфологический уровень китайского языка как изолирующего топикового. Сущность и содержание позиции частицы // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 1(13). С. 37–46.
3. Shi Dingxi. Topic and Topic-Comment Constructions in Mandarin Chinese // Language. 2000. № 76(2). P. 383–408.
4. Скворцов А.В. Структурная классификация топиковых предложений на китайском языке различных периодов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 4. С. 1260–1267. <https://doi.org/10.30853/phil20220192>
5. Курдюмов В.А. Идея и форма. Основы предикационной концепции языка. М.: Военный университет, 1999.
6. Курдюмов В.А., Коцик К.Э. К вопросу о дифференциации понятий «топик-комментарий» и «тема-рема» // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек в современном мире». 2020. № 1. С. 86–93. <https://doi.org/10.25586/RNU.V925X.20.01.P086>
7. Циммерлинг А.В. Нулевые лексемы в синтаксисе: догматика и типология // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2008. № 2(4). С. 226–244.
8. Курдюмов В.А., Семенова Л.А. Общие концепции метафоры и метафора в китайском языке // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2022. № 3(47). С. 90–98. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2022.47.3.07>
9. Fiengo R, May R. Indices and identity. Cambridge, MA: MIT Press, 1994.
10. Цю Ш. Когнитивный подход к англо-китайскому сравнительному лингвистическому исследованию // Иностранные языки в Китае. 2017. № 14. С. 35–44. (На китайском языке). 邱述德. 英汉对比语言学研究的认知途径. 中国外语. 2017(14). 35–44页.
11. Цай Ш. О статусе и роли языка в человеческом познании // Вестник Пекинского университета (Издание по философии и социальным наукам). 2020. № 57(01). С. 138–149. (На китайском языке). 蔡曙山. 论语言在人类认知中的地位和作用. 北京大学学报 (哲学和社会科学版). 2020. 57(01). 138–149页.
12. Цзян Г. Лингвистическая относительность и когнитивная лингвистика: две позиции относительно корреляции между языком и мышлением // Журнал иностранных языков. 2024. № 02. С. 92–97. (На китайском языке). 蒋国辉. 语言相对论与认知语言学: 语言—思维相关性的两种立场. 外语学刊. 2024(02), 92–97页.
13. Цуй Я., Вэй И. От языка к мышлению: анализ механизма координации системного мышления // Журнал системных наук. 2024. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kns.cnki.net/kcms/detail/14.1333.N.20240416.1707.002.html>. (дата обращения: 05.04.2014). (На китайском языке). 崔艳英, 魏屹东. 从语言到思维: 系统思维的协调机制探析. 系统科学学报. 2024. <http://kns.cnki.net/kcms/detail/14.1333.N.20240416.1707.002.html>.
14. Вэнь С., Ю П., Си В. Сдвиг категорий в переводе и его когнитивная интерпретация // Журнал китайских переводчиков. 2019. № 40(03). С. 33–43. (На китайском языке). 文旭, 余平, 司卫国. 翻译的范畴转换及其认知阐释. 中国翻译. 2019. 40(03). 33–43页.
15. Ху П., У Ф. Исследование базы данных межъязыковой синонимизации и лексической типологии // Современная лингвистика. 2023. № 25(04). С. 562–576. (На китайском языке). 胡平, 吴福祥. 跨语言同词化数据库与词汇类型学研究. 当代语言学. 2023. 25(04). 562–576页.
16. Абишева К.М. Категоризация и ее основные принципы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 2(035). С. 21–30.
17. Кубрякова Е.С. Семантика когнитивного в лингвистике (о принципах, контейнерах и формах их объективации в языке) // Известия АН. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58. № 5–6. С. 3–99.

18. Langacker R.W. *Foundations of Cognitive Grammar. Theoretical Prerequisites*. Stanford, California: Stanford University Press, 1987.
19. Болдырев Н.Н. *Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии*. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та, 2000.

References

1. Li, Ch. & Thompson, S. (1982). Subject and topic: a new typology of subject languages In: *New in foreign linguistics*. Iss. XI: Modern syntactic theories in American linguistics. Moscow: Progress. (In Russ.).
2. Kurdyumov, V.A. (2014). The morphological level of the Chinese language as isolating topic-prominent. The essence and content of the particle position. *MCU journal of philology. theory of linguistics. Linguistic education*, 1(13), 37–46. (In Russ.).
3. Shi, Dingxu. (2000). Topic and Topic-Comment Constructions in Mandarin Chinese. *Language*, 76(2), 383–408.
4. Skvortsov, A.V. (2022). Structural Classification of Topic Sentences in Chinese from Different Periods. *Philology. Theory & Practice*, 15(4), 1260–1267. <https://doi.org/10.30853/phil20220192>. (In Russ.).
5. Kurdyumov, V.A. (1999). *Idea and Form. Foundations of the Predicative Concept of Language*. Moscow: Military University. (In Russ.).
6. Kurdyumov, V.A. & Kozyk, K.E. (2020). On the Differentiation of the Concepts «Topic-Comment» and «Theme-Rheme». *Bulletin of the Russian New University. Series "Human in the Modern World"*, 1, 86–93. <https://doi.org/10.25586/RNU.V925X.20.01.P.086>. (In Russ.).
7. Zimmerling, A.V. (2008). Zero Lexemes in Syntax: Dogmatics and Typology. *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Studies*, 2(4), 226–244. (In Russ.).
8. Kurdyumov, V.A. & Semenova, L.A. (2022). General Concepts of Metaphor and Metaphor in Chinese. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(47), 90–98. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2022.47.3.07>. (In Russ.).
9. Fiengo, R. & May, R. (1994). *Indices and identity*. Cambridge, MA: MIT Press.
10. Qiu Sh. (2017). Cognitive Approach to English-Chinese Contrastive Linguistics. *Foreign Languages in China*, 14, 35–44. (In Chinese). 邱述德. 英汉对比语言学研究的认知途径. *中国外语*. 2017(14), 35–44页.
11. Cai, Sh. (2020). On Language Status and Language Function in Human Cognition. *Journal of Peking University (Philosophy and Social Sciences)*, 57(01), 138–149. (In Chinese).
12. Jiang, G. (2024). Linguistic Relativity and Cognitive Linguistics: Two Positions on the Language-thinking Correlation. *Foreign Language Research*, 02, 92–97. (In Chinese). 蒋国辉. 语言相对论与认知语言学: 语言—思维相关性的两种立场. *外语学刊*. 2024(02), 92–97页.
13. Cui, Y. & Wei, Y. (2024). From Language to Thought: The Systems Thinking Coordination Mechanism Approach [J/OL]. *JOURNAL OF SYSTEMS SCIENCE*. URL: <http://kns.cnki.net/kcms/detail/14.1333.N.20240416.1707.002.html>. (accessed: 05.04.2014). (In Chinese). 崔艳英, 魏屹东. 从语言到思维: 系统思维的协调机制探析. *系统科学学报*. 2024. <http://kns.cnki.net/kcms/detail/14.1333.N.20240416.1707.002.html>.
14. Wen X. & Yu P. & Si, W. (2019). Category-Based Transformation in Translation and Its Cognitive Interpretation. *Chinese Translators Journal*, 40(03), 33–43. (In Chinese). 文旭, 余平, 司卫国. 翻译的范畴转换及其认知阐释. *中国翻译*. 2019. 40(03), 33–43页.
15. Hu, P. & Wu, F. (2023). Database of Cross-Linguistic Colexifications and the Studies of Lexical Typology. *Contemporary Linguistics*, 25(04), 562–576. (In Chinese). 胡平、吴福祥. 跨语言同词化数据库与词汇类型学研究. *当代语言学*. 2023. 25(04), 562–576页.
16. Abisheva, K.M. (2013). Categorization and Its Main Principles. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2(035), 21–30. (In Russ.).

17. Kubryakova, E.S. (1999). The Semantics of the Cognitive in Linguistics (on Principles, Containers, and Forms of Their Objectification in Language). *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, 58 (5–6), 3–99. (In Russ.).
18. Langacker, R.W. (1987). *Foundations of Cognitive Grammar. Theoretical Prerequisites*. Stanford, California: Stanford University Press.
19. Boldyrev, N.N. (2000). *Cognitive Semantics: A Course of Lectures on English Philology*. Tambov: Tambov State University Publ. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Чжан Кэ, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка, Северо-Восточный педагогический университет (Китай, 130024, пр. Цзилинь, г. Чанчунь, ул. Жэньминь, № 5268); *сфера научных интересов*: лексикология, семантика, лингвокультурология; *e-mail*: zhangk176@nenu.edu.cn
ORCID: 0000-0002-7765-2133; ResearcherID: D-7768-2019.

Денисенко Владимир Никифорович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6); *сфера научных интересов*: теория языка, лингвистическая семантика, прагматика и семиотика, сопоставительные исследования языков; *e-mail*: denisenko-vn@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-6021-4068; SPIN-код: 4635-8342; Author ID: 310131; Scopus ID: 57193133860; Researcher ID: AAG-9635-2020.

Information about the authors:

Zhang Ke, PhD in Philology, Senior Teacher of the Department of Russian Language, Northeast Normal University (5268, Renmin Street, Changchun, Jilin Province, China, 130024); *Research interests*: lexicology, semantics, linguoculturology; *e-mail*: zhangk176@nenu.edu.cn
ORCID: 0000-0002-7765-2133; ResearcherID: D-7768-2019.

Vladimir N. Denisenko, Dr.Sc. (Philology), Professor, Head of the of the General and Russian Linguistics Department, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: theory of language, linguistic semantics, pragmatics and semiotics, comparative linguistic studies; *e-mail*: denisenko-vn@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-6021-4068; SPIN-code: 4635-8342; Author ID: 310131; Scopus ID: 57193133860; Researcher ID: AAG-9635-2020.